нѣтъ дома. Конь пошолъ къ брату, а онъ пошолъ къ ей въ домъ. Конь отворилъ только двери,—братъ обрадовался: малова брата увидалъ.—„Гдѣ ты, малой братъ, проживался долго время? я тебя не видѣлъ!“—„Я проживался у Яги́-Яги́шны; она меня замори́ла... Помоги́ Ивану царевичу Кошшея Безсмёртнова убить!“—„Ево убить лѣвой рукой: кабы достать съ дубу яицо̀, вотъ ево и смерть!“—„Это мы достали, у насъ въ карманѣ!..“—„Ты, братъ, *айда́* шагомъ; а если пойдёшь рысью, то мнѣ не догнать тебя!“... Онъ [Иванъ царевичъ] посадилъ Елену Прекрасную на своёва коня, поѣхалъ шагомъ.

25. Прибылъ Кошшей Безсмёртной не черезъ долго время домой; кричѣлъ въ комнатахъ Елену Прекрасную,—ее дома нѣтъ. Являлся онъ, между тѣмъ, къ коню.—„А что, конь, гось былъ?“—„Былъ“.—„Елену Прекрасную увёзъ?“—„Увёзъ“.—„А скоро ли мы можомъ ево догнать?“—„Да если шагомъ повезётъ, *дакъ* догóнимъ, а рысью побѣжитъ,—во вѣки не нагнать“.—Садился на коня, отправля́лся ево догонять. Догна̀лъ ево доро́гой, остановилъ: „ну, я теперь *наруша́* тебя, Иванъ царевичъ, тебѣ будетъ и жить!“—Иванъ царевичъ слѣзалъ съ коня: „Давай теперь мы съ тобой побра́туемся!“—Вы́нялъ изъ карману яицо́, ударилъ Кошшея Безсмёртнова по̀ лбу,—онъ тутъ и ко̀нчился.

Посадилъ Елену Прекрасную на старшова коня, самъ сялъ на младшова, поѣхалъ въ своё государство, въ русское (не поѣхалъ къ Еленѣ Прекрасной). Приво́зитъ въ своё государство. Поѣхалъ своихъ зятевьёвъ собирать, заводить пиръ. Собралъ своихъ зятевьёвъ и вотъ онѣ тутъ нѣсколько сутокъ съ *ими́* пировали.

---

7. [Мишка-Котома-Конюхъ и Катунъ-Дѣвица].

1. У царя былъ сынъ, и онъ задумалъ ево женить. Собиралъ *ду́мшихъ* и сенато̀ровъ, посыла́лъ во всѣ страны (по всѣмъ стра́нами) народу собирать. Много народу съѣхалось—князьёвъ и боя́ровъ и простонародія.—„А што, міръ правосла̀вной, не зна̀ите ли въ какихъ городахъ моёму сынку невѣстку *баску́*?“—И всѣ отказались. Одинъ изъ ене-

ральскихъ дѣтей сказалъ: „спросить нужно Мишки-Котомы ко́нюха (объ этѣмъ дѣлѣ)“.—За Мишкой посла́лъ царь. Онъ даромъ нейдетъ: „пушай царь мнѣ выкатитъ бочку-*сороко-ву́шку* и 25 пудовъ калачей на закуску!“—Царь приказалъ выдать ему.

Мишка-Котома приходитъ, бочку выпива́етъ, калачи сжираетъ. Царь говоритъ: „Мишка-Котома, не знаешь ли въ какихъ города́хъ моёму сынку невѣсту *баску*?“—„Невѣсту я очень хорошу́ знаю, только у тебя женихъ плохъ (противъ невѣсты)!“—Царь ему задалъ двѣ *ли́зы*,—онъ отправился на конюшню. Потомъ приказалъ всѣмъ князьямъ и боярамъ, штобы прибыть на будушшей день ешо болѣе тово народу.

2. На будушшей день съѣхались ешо тово болѣ. Царь подавалъ по ча́рѣ и по двѣ и спрашивалъ: „Што, міръ православной, не знаете ли въ какихъ городахъ моёму сыну невѣсту баску?“—Всѣ отказались. Одинъ изъ княжескихъ дѣтей и говоритъ: „Ваше Царское Величество, спросить надо Мишки-Котомы конюха: онъ больше насъ знаетъ“.—Царь на то сказалъ, што „онъ меня 'чера́сь канфузилъ, не нужно ево звать на совѣтъ!“—„Однако, всё таки онъ скажетъ, можно ли не мо́жно ли за невѣстой ѣхать?“—Царь посылаетъ за имъ, штобы прибы́лъ онъ на совѣтъ; приказалъ ему выдать бочку сороковушку и 25 пудовъ калачей на закуску.

Бочку онъ выпиваетъ, калачи сжираетъ, приходитъ къ царю на совѣтъ.—„Ваше Царское Величество, невѣста очень хороша́, а женихъ у тебя проти́въ невѣсты плохъ!“—„А можно ли за невѣстой ѣхать?“—„Можно,—говоритъ:—запрега́й каре́ты! Я же её привезу, окро́мѣ меня нихто не привезётъ!“

3. Запрегли кареты, поѣхали за невѣстой. Пріѣзжаютъ въ её луга и видятъ: силы много нава́лено; богатырьская голова отсѣчена пова́ливаецца. Мишка конюхъ вы́лѣзъ, къ головѣ подходитъ: „Што, богаты́рская голова, хто тебя побѣди́лъ?“—Голова отвѣтила, што „меня побѣдила Ката́нъ-дѣви́ца“. (Она *богатыри́ца*).—Мишка-Котома́ садицца въ карету и ѣдетъ впередъ. Доѣзжа́етъ близъ её городу и видитъ: силы болѣе тово навалено; два богатыря убиты и го́ловы не усыпи́лись, пова́ливаюцца ишо. Подбѣгаетъ къ

этими головами, спрашиваетъ: „кто васъ побѣдилъ?“—„Побѣдила Катунъ-дѣвица“.

4. Подъѣжжаетъ къ её городу. Устро́енъ у ей садъ на 20 вёрстъ; столбы были чигунные, тынъ былъ желѣзной. Ни захотѣлъ онъ въ воро́та ѣхать, выше себя тынъ подыма́лъ и столбы, и *по́ясъ* пропушша́лъ. Потомъ поста́вилъ столбъ на столбѣ и сдѣлалъ подпись, што „за добрымъ словомъ, за сва́таньемъ“. Самъ началъ по саду поха́живать и яблони пота́птывать (*гре́зить* начинаетъ). *То* видитъ садовникъ, што непорядки, бѣжалъ къ Катунъ-дѣвицѣ съ докладомъ.

Катунъ-Дѣвица смотритъ съ пора́тьнева крыльца въ подзорную трубу, што ихъ пріѣхало много. Спустилась въ ни́жней ~~этажъ~~ къ своему родителю: „выдай ты мнѣ богатыря, который дѣйствуетъ стопудо́вой па́лицей“. Богатырь приходитъ и говоритъ: „Што, Катунъ-Дѣвица, нужно?“—*Тупа́й*, съ *имя́* не разговаривай, а на носо́къ подымай, изъ са́ду ихъ выбра́сывай! Штобы не было ихъ въ саду!“—Приходитъ богатырь и говоритъ: „Што́, господа, заѣхали въ нашъ зе́ленъ садъ безо вся́кова упро́су?“ — „Мы съ тобой, съ хамомъ, не будемъ разговаривать! разъ съ тобой потолкуетъ вонъ Мишка-Котома́ конюхъ!“ Иванъ царевичъ сказалъ.

Къ Мишкѣ-Котомѣ онъ подходитъ, боёвой па́лицей ударитъ по плечу и по друго́му. — „Ахъ, кома́рики полётываютъ, мои плёчики покусываютъ!“ сказалъ Мишка-Котома.— Мишка-Котома обратился: „не такъ, господинъ ба́гатырь, бра́туюцца!“ Ударилъ ево по головѣ рукой своёй, — по колѣнъ тотъ въ землю ушо́лъ и языкъ *вы́пелилъ*.

5. Катунъ-Дѣвица смотрѣла въ подзорную трубу, удивилася. Спустилась въ ни́жной этажъ, къ своёму родителю опять.— „Выдай ты мнѣ богатыря́ не хуже меня а́*ле* посильнѣ меня ешо!“—Богатырь приходитъ: „Што ты, Катунъ-Дѣвица, меня требуешь?“—„Поди, господинъ богатырь, такихъ невѣжъ на носокъ поддѣвай, изъ са́ду ихъ выбра́сывай, штобы не было!“—Очень богатырь былъ сердитъ; приходитъ, первую карету *фы́ркулъ* и за садъ выбросилъ, не разговаривать.

Оглянулся Мишка-Котома, што дѣло не ладно, подбѣгаетъ къ ему. Билъ ево богатырь по плеча́ми. — „*Ну́тики*

полётываютъ, мои плéчики покусываютъ!... Што ты, господинъ бáгатырь, не ладно брáтуешша?“—Ударилъ ево рукой по головѣ, и онъ сразу по колѣнъ въ землю ушолъ и языкъ *выпелилъ*.

6. Катунъ-Дѣвица видитъ, што дѣло не ладно, приказала своимъ кучерáмъ карету запрекчи. Полóжила подушки мя́хки, отправлялась въ садъ за женихомъ. Пріѣзжала и низко кланялась: „Хто изъ васъ мнѣ будетъ женихъ?“ — „Женихъ тебѣ не простой, Иванъ царевичъ!“— „Иванъ царевичъ, садись со мной въ карету, поѣдемъ въ мои полáты!“—Мишка-Котома съ *имя́* же сялъ на запя́тки.

Пріѣзжали въ её полáты; садились онѣ за столъ, она у ево за ручку взяла, пожала,— сдѣлалось ему очень тóшно, изъ руки и сокъ пошóлъ. Иванъ царевичъ вывертѣлъ у её руку; потомъ она стала на ево ногу, — сдѣлалось Ивану царевичу тóшно, весь почернѣлъ послѣ этова. Видитъ, што женихъ плохъ.

7. „Иванъ царевичъ, не желаешь ли: у меня есь такá забава—лучёкъ, и не можешь ли ты вы́стрѣлить изъ моихъ хорóмъ?“ — Сказалъ Иванъ царевичъ: „ташшы́те, посмóтримъ, што у тебя за забáва?“ — Приташшы́ли эту забаву шéстеро, какъ си́льное бревнó.— „Мишка-Котома, можно ли мнѣ позабáвицца? — попытай, выстрѣли!“ — Мишка-Котомá тотчáсъ подскочилъ, взялъ етотъ лучокъ, черезъ колѣнки *жáмкнулъ*, и онъ разлетѣлся на мелки части; *стрълáцца* нельзя въ нево больше. Она этому дѣлу сдивилася.

8. „Иванъ царевичъ, не желаешь ли — у меня есь конь, на имъ покатáцца?“—„Ну-ко, приведите коня, я погляжу́— што у васъ есь за конь?“—Привели́ коня.—„Мишка-Котомá, можно ли мнѣ на конѣ проѣхать? съѣзди на нёмъ, попытáйся!“ — Мишка-Котома ставалъ въ *струмено́* и въ другое, наконецъ плетью коня *шáркнулъ* (шабаркнулъ), — конь наси́лу устоя́лъ. Немнóжко отъѣхалъ, коня остановилъ, сказалъ ему: „если, штò я скажу, испрáвишь, такъ ты живъ будешь, а не исправишь, — такъ я тебя плетью сейчасъ убью!“—Конь на то ему сказалъ: „штò ты скажешь, я исправлю, только не бей меня!“ —„Иванъ царевичъ если станетъ на тебя въ *струмено́* и въ другое, ты по шшóтку въ землю уйди! *Стегнётъ* тебя нагайкой, ты на колѣнко пади, немножко отойди и вó *корень* не пойди!“ (ходу какъ бы не будетъ).

Пріѣзжаетъ къ парáтному крыльцу. Иванъ царевичъ спрашиватъ: „можно ли *сясь* на коня?“ — „Не знаю, подо мной дю́житъ, какъ подъ вами?!“ — Ивану царевичу хотя и не хотѣлось садиться на коня, встаётъ въ *струмено́* и въ другое,—конь по шшо́тку въ зе́млю ушолъ, нагайкой хлеснулъ, — онъ на колѣнко палъ. Катунъ-Дѣвица смотритъ, диви́цца на ето дѣло. Немножко отошолъ и во́ *корень* не пошолъ конь (некакъ не пошолъ).

Слѣзъ съ коня, началъ коня подъ ж..у пинать. Конь идётъ, кое-какъ переплётывацца. Подходитъ Иванъ царевичъ: „Эхъ, Мишка-Котома́, сканфу́зилъ ты меня — велѣлъ на нево *сѝсти*, на такова коня! На такихъ коня́хъ у насъ только маленьки ребятишки ката́ющца! не нашему брату садицца на такова коня!“

9. Мишка-Котома́ сказалъ: „не нужно намъ твои лучки́ пытать и ко́ней вашихъ обучать, а — хошь добра́, такъ садись, поѣдемъ въ наше государство!“ — *Тожно* она согласилась, запряга́ла карету, выкла́дывала свое имущество и попросила своёва родителя проводить до руськова государства съ солдатами и съ оружіемъ, штобы насъ нихто не могъ похи́тить.

Пріѣзжаетъ въ руське государство. Уви́дѣли солда́ты, доложи́ли царю: „ѣдутъ къ намъ какіе-то невѣрные силы; што́ прикажешь дѣлать съ *имя́*?“ — Царь приказалъ: „выпалите въ ихъ изъ холостыхъ пушекъ! а если *подава́цца* будутъ (не остановяцца), заряжайте, картѣчами попужа́йте ихъ!“ — Не остана́вливался Иванъ царевичъ, ѣхалъ всё впередъ. Заряжали онѣ тогда карте́чамъ, попужа́ли въ ихъ. Мишка-Котома изъ кареты выскакивалъ, пули хваталъ, да и въ ихъ обратно броса́лъ, царскую силу вали́лъ. Одумались: што ето, не Мишка ли Котома́ ѣдетъ? погоди́ть стрѣлять! надо узнать, хто ѣдетъ? — Посла́нникъ пріѣзжаетъ. Приказалъ Мишка-Котома стрѣтить ихъ съ весёлымъ со зво́номъ, а не такъ што́бы въ ихъ стрѣлять. Уда́рили по всѣмъ церква́мъ, встрѣтили ихъ съ весёлымъ со зво́номъ.

10. *На́перво* заѣхалъ онъ въ монастырь; повѣнчался, потомъ къ отцу своему́ въ пола́ты отпра́вился. Пріѣзжаютъ въ царской домъ, посидѣли, погости́лись довольно. Онъ её въ спальну повёлъ; лёжи́лись на такіе кровати; наказывалъ Мишка-Котома, штобы лежать тихо и смирно севоднишную

ночь. Она [на] ево *на́перво* нало́жила руку — задави́ла *чисто* ево. Онъ выбился изъ-подъ руки, выскочилъ въ калидо́ръ. Мишка-Котома́ стои́тъ-ждётъ ужъ тутъ. Она навали́ла на ево но́гу. Иванъ царевичъ выбился, выбѣжалъ въ калидоръ, сказалъ Мишкѣ-Котомѣ: „я больше не пойду, она зада́витъ меня!“

Мишка-Котома подалъ ему три прута желѣзныхъ и три прута мѣдныхъ и велѣлъ ему: „залѣзь на́ верьхъ и спусти мнѣ три прута желѣзныхъ, какъ я скажу: Господи, спусти мнѣ съ небесъ три прута желѣзныхъ!“ — Мишка-Котома самъ лёгъ съ ней на кровать. Она нало́жила на ево ногу. Мишка-Котома сбросилъ, взялъ её за́ волосы, началъ её бить. Онѣ дрались много время. Онъ сказалъ: „Господи, спусти съ небесъ три прута желѣзныхъ!“—Иванъ царевичъ подалъ ему въ трубу. Онъ эти прутья исхлесталъ; сказалъ: „Господи, спусти ешо мнѣ съ небесъ три прута мѣдныхъ!“ И эти прутья онъ всѣ исхлёста́лъ. — „Если такъ будешь дѣлать ишо, такъ я тебя не етакъ проберу́!“

11. Посылаетъ Ивана царевича: „*тупай*, теперь не пошеве́литъ. Иванъ царевичъ приходитъ: она лёжитъ, *раставрала́сь* (*приста́ла*; *уха́йкалъ* онъ её), ничѣмъ не можетъ шевели́цца. Ночь проходитъ; по утру́ она сказала ему: „Иванъ царевичъ, поди́ пострѣля́й мнѣ *дичя́тины*! (я въ своёмъ мѣстѣ всё дичя́тину жарю)“.—Иванъ царевичъ ушолъ. Тогда она всё на себѣ пла́тье изорвала и въ ко́мнатѣ всё прилома́ла; сама́ легла сере́дь полу. Иванъ царевичъ приходитъ, видитъ, што не поря́дки, сказалъ: „хто тебя избилъ?“— „Избилъ меня Мишка-Котома конюхъ! На то ли што ли вы меня взяли?“ — Иванъ царевичъ объяснилъ своёму отцу, што „Мишка-Котома мою жену избилъ и всё на ней платье изорвалъ и посуду всю приломалъ“.

Царь на ето осердился, приказалъ (салда́тамъ) Мишкѣ-Котомы голову отсѣчь. Салдатъ наточилъ саблю, шолъ къ Мишкѣ-Котоми́ ко́нюху. Приходитъ къ конюху, онъ лёжалъ къ поду́шкэми нога́ми, закрылся глу́хо одѣяломъ: у ево не видать не ногъ, не головы. Салдатъ не разсмотрѣлъ, одѣяло не сбросилъ, саблей рѣзнулъ, отсѣкъ у Мишки-Котоми́ ноги. Сбросилъ скоро Мишка-Котома одѣяло, салдатъ отъ ево здумалъ бѣжать, испужа́лся. Скричѣлъ Мишка-Котома: „отчево ты мнѣ отсѣкъ ноги? скажи мнѣ! за

чево́?"—Салдатъ сказалъ: „не бей Ивана царевича жену! за то тебѣ приказа́лъ [царь] голову отсѣкчи. Счасли́въ, што только ноги отсѣкъ!"

12. Завяза́лъ свои ноги, отправился изъ ево государства, Мишка-Котома. Пошолъ и сказалъ [Ивану царевичу]: „Помя́нешь меня, да тогда ужъ не будетъ меня у васъ! хватишша!" — Только вы́шолъ за́ городъ, идётъ слѣпой, плута́етъ, не можетъ дорогу найти. Скричѣлъ слѣпому: „Слѣпой, иди на мой голосъ, пойдёмъ со мной вмѣстѣ!"— Назва́лъ ево, слѣпова, больши́мъ братомъ: „будешь ты большой братъ!"—Онѣ отошли вёрстъ десятокъ, идётъ безрукой. Пригласили онѣ безрукова съ собой. Назвалъ ево Мишка-Котома серёднимъ братомъ. „А я буду у васъ меньшо́й братъ".

13. Дошли онѣ (три брата) до Яги́-Яги́шны; у ей попросили живой воды. Она сказала: „Подите, вотъ въ этѣмъ колоццѣ живая вода". — Слѣпой намочилъ глаза и сдѣлался съ глазами. Безрукой примачивалъ своѣ руки, и тѣ выросли. Мишка-Котома́ приказалъ тогда Ягу-Ягишну обѣмъ *имя́* держать, самъ залѣзъ въ колодецъ, примачивалъ своѣ ноги. Яга-Ягишна была сильная, этихъ двухъ молодцовъ по чашшѣ ташшыла и би́ла. Срослись у Мишки-Котомы ноги, вылѣзалъ онъ изъ коло́дцу. Догонялъ онъ Ягу-Ягишну, бралъ её за́ волосы, гдѣ о́бъ сосну её билъ, гдѣ и о́бъ землю. Подташшы́лъ её къ своёму терему, поднялъ у ей теремъ, взялъ её подъ уголъ поло́жилъ, самоё её.

14. *Тожно́* онѣ отправились. Онѣ шли близко ли далёко ли, ни́зко ли высо́ко ли, приходятъ до тако́ва моря: у етова моря стои́тъ теремъ, у этова терема стои́тъ столбъ, на столбѣ подписана по́дпись: „если одинъ, одна ночь, а если троё, такъ три ночи ночева́ть" (а дальше не ходить; три ночи ночуй, потомъ поди́!). Мишка-Котома сказалъ: „первая ночь *большаку́*, вторая середнему, а третья ночь мнѣ. Первой ночи прибудетъ трехглавой Идолишшо на конѣ, а другая ночь — прибудетъ шестиглавое и́долишшо, третья ночь—прибудетъ девятиглавой Идолишшо".

15. Большой братъ палъ передъ имъ на колѣнки: „Мишка-Котома, заступись, ночуй за меня!"—Мишка-Котома сказалъ: „на-те вотъ вамъ карточки-самои́грышки:

играйте, не зайгрывайтесь, я я пойду на дежурсво. Пошолъ, подъ дубъ сялъ и въ книжку читалъ. Дочитался до полнóчи. *Пригоня́етъ* окаянной Идолишшо трёхглáвой. Сказалъ Идолишшо: „я никово не боюсь! боюсь только Мишки-Котомы́ конюха, а Мишка Котома неисцѣленъ, безъ ногъ“.—„Тепериче я исцѣленъ, Идолишшо! привязывай коня покрѣпше, штобы онъ не испугался нашихъ побóишшовъ, а то тебѣ и ѣхать нé на чемъ!“

Съ имъ оговорку поимѣлъ: „мотри, чуръ до двухъ разъ отдыхáть!“—Первой разъ замахнулся, какъ *полы́снулъ*, сразу гóловы у ево слетѣли. Тýлово бросилъ въ море, а головы ево подъ камень полóжилъ. Отвязалъ коня отъ периловъ, привязалъ коня къ тéрему (къ этому дому). Самъ лёгъ спать.

16. Проснулись братьи, увидали, што конь стоитъ. Большáкъ и говоритъ: „моя ночь проведéна, сяду я на коня и уѣду!“—Таваришъ говоритъ, што и я поѣду съ тобой. *Счунýлись* съ имъ драцца: одинъ не пушшáтъ, а другой лѣзетъ, драку *сучини́ли*.—„Што мы дерёмся? вотъ завтра онъ ешо коня приведётъ, тогда мы поѣдемъ вмѣстѣ!“—Вторая ночь подходитъ; серéдней братъ со слезами ево проситъ, усерно: „*Айдà*, ночуй за меня, Мишка-Котомà брáтчикъ!“—Мишка-Котомà далъ *имя́* карточки-самоигрышки: „играйте, не заигрывайтесь! я пойду, ужъ дѣлать нéчево!“

Сидѣлъ онъ подъ дрéвомъ, читалъ книжку; дочитался до полнóчи. Гóнитъ къ ему шестиглавой Идолишшо. Конь у ево поткнулся.—„Што ты потыкаешша, [1]) какому врагу покоря́ешша?... Я неково не боюсь, боюсь только Мишки-Котомы конюха, [а] онъ теперь бéзъ ногъ!“ — Сказалъ: „Идолишшо, я исцѣленъ! привя́зывай коня покрѣпше, штобы онъ не испугался нашихъ побóишшовъ!“—Подошолъ къ ему. Онъ и говоритъ: „*Мотри́*, Идолишшо, до двухъ разъ отдыхать!“—Первой разъ какъ палы́снулъ, и отшибъ у ево сразу всѣ шесь головъ. Бросилъ тýлово въ морё, а голову подъ камень. Коня отвязалъ, привязалъ *къ* тéрему, а самъ лёгъ спать.

17. Пробудились брáтьи и видятъ, што два коня. Подбѣжáли; второй приведёной конь получше. Безрукой на

[1]) Сначала разсказчикъ сказалъ: „потыкáшша“, потомъ поправился: „потыкáешша“.

лу́чшево коня садицца, а *большàкъ*: „я старшой, ты садись на коня на моёва!“—Онѣ сучини́ли драку.—„Што́ мы дерёмся?! Завтра онъ коня, *мо́жотъ*, ешо лучше приведётъ! мы получше выберемъ, сядемъ да уѣдемъ, а похуже ему оставимъ!“—Мишка-Котома смотрѣлъ на нихъ: „не я одинъ дерусь, и братьи деру́цца!“—Онѣ передрались, легли́ спать и пролёжàли ночь (въ ночѣ́ ешо дѣло-то идётъ).

18. Разсвѣтало. День проходитъ, опять ночь подходитъ. Теперь ужъ ему самому итти́. Сказалъ Мишка-Котома: „мотрите, брàтьи, на-те карточки-самоигрышки, играйте не заигрывайтесь! Я вамъ пособлялъ, и мнѣ пособляйте!“—Ладно—хорошо. Сидѣлъ онъ подъ дрéвомъ, до полно́чи *дочитàлся*. 9-тиглавой Идолишшо къ ему прибылъ на конѣ. Конь ево поткнулся.—„Што ты, конь, потыкàшша? какому врагу покоря́ешша? Я никово не боюсь! боюсь Мишки-Котомы, а онъ не исцѣленъ, безъ ногъ!“

„Врёшь, Идолишшо, я исцѣленъ, тебя дожида́юсь, побра́товацца съ тобой хочу!.. Привязывай коня къ периламъ покрѣ́пше!.. До двухъ разъ,— оговорку поимѣлъ,— отдыхать!“ —Первой разъ какъ махнулъ, шесь головъ у ево слетѣло. Сказалъ: „стой, чортъ, у меня ногу трётъ!“ (погоди драцца!). Снимаетъ сабо́гъ, бросаетъ въ те́ремъ,—у терема крыша слетѣла. (Штобы пробудились братья, онъ за тѣмъ). Заглядѣлся Идолишшо; онъ махну́лъ во второй разъ и послѣдни [головы] съ ево сшибъ. Отвязалъ етова коня и сялъ на нево. Подъѣжжаетъ къ терему, будилъ своихъ братовьёвъ: „Ставайте, братцы, будетъ теперь! три ночи прошли наши, пое́демте въ путь дальше!“

19. Подъѣхали онѣ къ терему. Изъ терема вышла дѣвица, стоитъ и плачетъ. Сказалъ Мишка-Котома: „што ты, дѣви́ца, плачешь, объ чемъ бо́льше?“—Дѣвица на то сказала, што „я пла́чу объ хозя́инѣ, объ трёхглавымъ (которова убили): онъ съѣдаетъ по быку, а быки,—говоритъ,—прѣютъ“ (послѣ етова). —„Не плачь,—сказалъ:—дѣви́ца! мы ево побѣдили, и конь подъ нами!“—Дѣви́ца въ уста ево, Мишку-Котому, цѣловала и говоритъ: „Возьми меня замужъ, всево здѣсь у насъ дово́льно, на вѣки не прожить!“—„Не возьму я тебя, а которой на вашемъ конѣ сидитъ братъ, такъ вотъ съ имъ и проживайтесь, а мы пое́демъ впередъ!“

20. Онѣ ешшо́ пріѣзжаютъ къ другому те́рему. Изъ те́рема выходитъ дѣви́ца, стоитъ и пла̀четъ. — „Што ты, дѣвица, плачешь? не плачь!“ — „Какъ мнѣ не плакать? Вотъ я жду *хозяина*, два быка заколо́ла, а мясо прѣетъ!“ — „Не плачь! мы ево побѣдили, и конь подъ нами!“ — *То* она ево въ уста́ цѣловала и приговаривала: „Возьми меня замужъ, всево здѣсь довольно, на вѣки не прожить!“ — „Оставляю тебѣ я брата, которой сидитъ на вашемъ конѣ; вотъ вы и живите съ имъ!“ — А самъ поѣхалъ впередъ.

21. Здумалъ онъ опять въ руско государство, на старо мѣсто ѣхать, *къ* царю. Ѣдетъ онъ царскими лугами, увидѣлъ ко́нной табу́нъ. Пріѣжжаетъ въ етотъ табунъ: Иванъ царевичъ табунъ пасётъ (добился!). — Скричѣлъ Мишка-Котома́: „здраствуй, Иванъ царевичъ!“ — Иванъ царевичъ: „здравствуй, уда́лой молоде́цъ!“ (не узналъ ево, што Мишка Котома, молодцо́мъ назва́лъ). — Тогда Мишка-Котома сказалъ, што „не *подоба́ецца* Ивану царевичу табунъ пасти! Почему ты табунъ пасёшь?“ — Иванъ царевичъ на то отвѣтилъ: „былъ у насъ такой могучій, сильный богатырь Мишка-Котома конюхъ, взялъ мнѣ невѣсту-неро̀вню. Отца моева она убила и мать, а меня до тово довела́, што я не радъ житью сталъ самъ. Рано пригоню́ — бьётъ и по́здо пригоню — бьётъ. А сама живётъ съ *гулева́номъ*, съ королевскимъ сы-номъ“. — Сказалъ Мишка-Котома: „вотъ, Иванъ царевичъ, если бы ты теперь увидѣлъ Мишку-Котому́, што́ бы у тебя было? кака́ ра́дось?“ — На отвѣтъ сказалъ Иванъ царевичъ: „я бы у Мишки-Котомы ноги вымылъ и воду вы́пилъ!“

22. Мишка-Котома сказалъ: „вотъ, Иванъ царевичъ, я самой Мишка-Котома конюхъ, садись на этова коня! куды онъ тебя повезётъ, туды и *тупай!* Онъ повезётъ тебя къ терему; изъ терема выйдётъ дѣви́ца (къ третьему терему), вы съ ей и живите; всево́ дольно вамъ будетъ! Не для́ я тебя Катунъ-дѣви́цу бралъ, а для себя! тебѣ править не доведёцца ею!“ — Вы́бралъ себѣ коня и вырвалъ себѣ хлы-стикъ *трёх-сосённой*, трёх-*верхо́вой*, свилъ хлы́стикъ. *Приг-на́лъ* въ самые по́лдни. Тогда она съ балхону грозилась, Катунъ-дѣвица, на ево. Тогда онъ поднимаетъ хлыстикъ, погрози́лся на Катунъ-дѣвицу, Мишка-Котома́ конюхъ.

Катунъ-дѣвица догада̀лась, *ми́лышу* сказала: „дѣло не ладно, ѣдетъ Мишка-Котома конюхъ! намъ обоимъ съ то-

бой будетъ не ладно!“— *Гулева̀нъ* забросался по ко́мнатами: „куды же я дѣва́юсь?“ — „Сиди въ сту́лѣ, не бойся! (Онъ не знаетъ, што ты мой *гулеванъ*)“.

23. Онъ тогда съ коня слѣзъ, приходитъ въ ко́мнаты. Сначала *гулева̀ну* голову оторва̀лъ и вы́бросилъ за окно. Приказалъ кучеру: „убрать, унести!“— Потомъ началъ Катунъ-дѣвицу съ шпоки на́ шпоку *понюжа́ть*. Катунъ-дѣвица ему сказала: „не бей меня, Мишка-Котома конюхъ! чѣмъ меня увѣчить, я желаю лучше за тебя за́мужъ идти!“ — Сходили къ вѣнцу́, повѣнча́лися. Завели пиръ на весь міръ. Самъ онъ сталъ государствомъ править.

---

8. „Рязанцовъ съ Милютинымъ“.

1. Жили были два купца, Рязя́нцовъ съ Милютинымъ. Онѣ жили изъ окна въ окно, значитъ—сусѣди. У ихъ дѣтей не было не у тово, не у другова.—У Рязанцова былъ обѣдъ, съѣжжались енералы и купечество. И сдѣлали записи: если будетъ у одново сынъ, а у другова дочь, то за про́тчихъ штобы не отдавать. И подъ это дѣло всѣ подписа̀лися, енералы и купечество; только осталось подписацца царю ишо.... Царь ихъ требуетъ къ себѣ—представить царскіе *ремо́нты* въ особенные города́. Онѣ съ восударемъ сряди́лись и, наконецъ, подаютъ свои записи. Царь просмотрѣлъ и́хну бумагу.—„Подписа́цца мнѣ нельзя подъ это дѣло! Если роди́цца у первова у́мной, а у другова будетъ дуракъ, не ладно будетъ! Я подпишу ету бумагу и оставлю ее у себя: если умные дѣти роди́цца у васъ, у тово и другова, тогда я ихъ могу *сообщи́ть* вмѣстѣ“.

2. Накла́ли онѣ царскихъ *ремо́нтовъ*, отпра́вились въ особенные города́. Пріѣзжаютъ домой, у ихъ жоны, та и другая, обрюха́тѣли (какъ вѣтромъ наду́ло). Уродился впослѣдсвіи время у Рязанцева сынъ, а у Милютина дочь. Резанцову свяшшенникъ далъ имя Ва̀нюшкой, а Милютиной — Катей. Сдѣлались рады послѣ етова. И вотъ онѣ также—одинъ безъ другова чаю не напьюцца—ходили.

Выросъ едакъ годовъ до десятку у Резанцова Ванюшка. Сдумалъ отецъ у ево ѣхать торговать въ особенные города́. Нагрузи́лъ онъ 12 кораблей товаровъ, на́бралъ себѣ рабо-